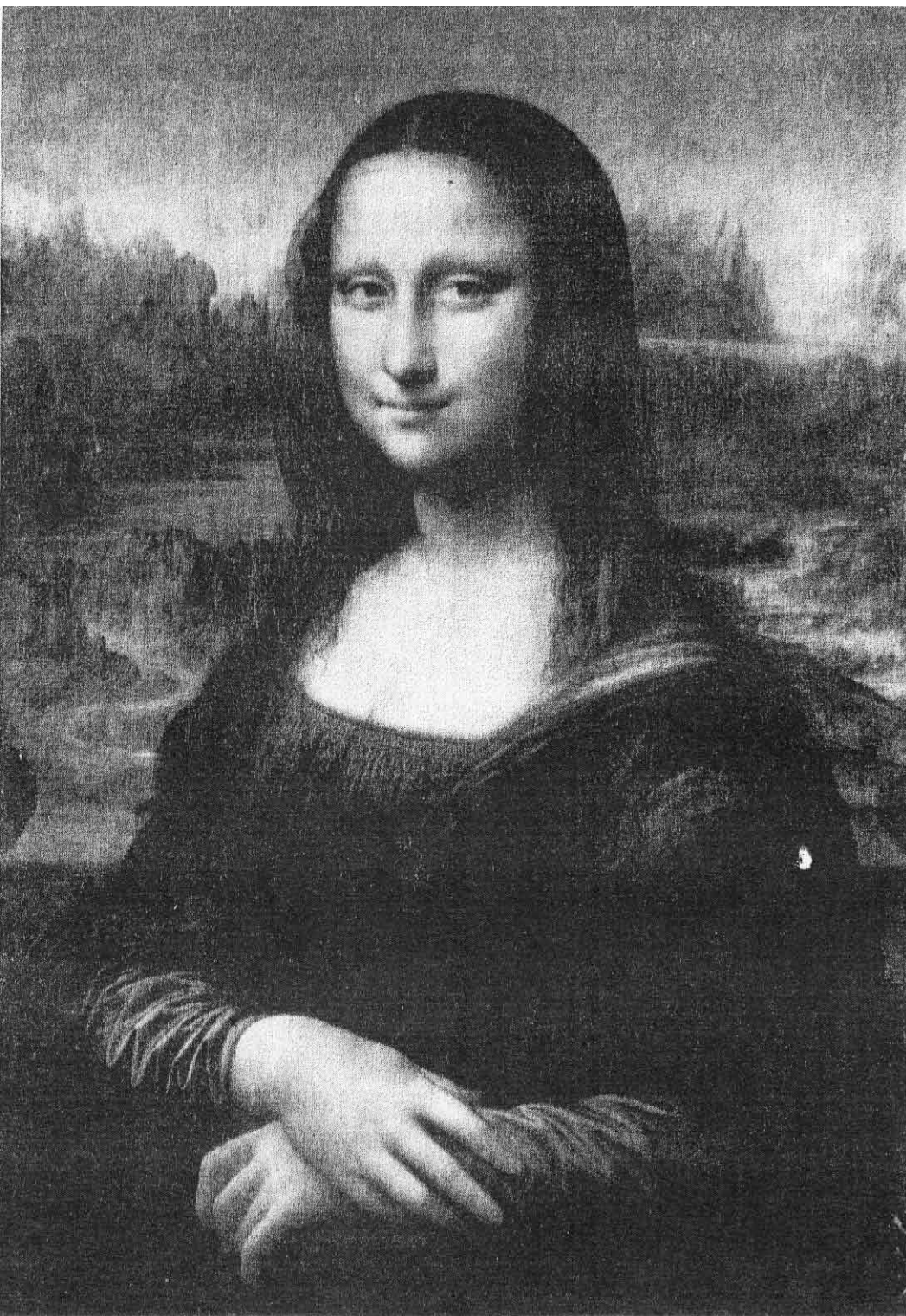

Дальше будет понятно, причем здесь эти билеты.

Джоконда здесь вот при чем.

В конце 70-х эта дама гастролировала у нас в музее им. Пушкина. Очередь на поклонение выстраивалась накануне. Мы собирались не заметить это событие. Но Кари заявила непререкаемо, что в такие общественно значимые моменты надо быть, где все. Мы переночевали у Люды (о ней особо), в нижней квартире на Булгаковской лестнице, и еще до рассвета пришли к музею. Простояли несколько часов, было и скучно, и занято. Обсуждали, в частности, сколько можно заработать, если прийти к очереди с корзиной пирожков, которые с вечера напечь у Люды же. Сошлись на том, что не допустят. Потом Люда устроила восхитительный и совершенно бескорыстный скандал, когда к студентам, простоявшим всю ночь на посту, стали подваливать целыми курсами. Наконец наступила великая встреча – для Кари; я, по близорукости, увидела только неприятный колорит. (Вот кажется мне, что Леонардо был дальтоник. Кто разубедит?) Минута, и все кончилось. Идем мы вчетвером – Таня, Люда, Кари и я – с выставочными буклетами вдоль Александровского сада. Кари объясняет, что если какую-то картину почему-то все человечество считает не то что лучшей, а прямо-таки единственной КАРТИНОЙ – значит, в ней есть НЕЧТО, и она это нечто почувствовала. Или наоборот: всемирное почитание придает объекту некое иррациональное, магическое качество, которого в нем, может, изначально и не было, и т.д. ..Тут к нам подворачивает мужичок из простых. «Извините, вижу, вы оттуда идете. Что же там за картина такая, постоять-то некогда, что это всем так надо?» «Вот, - говорит Кари и протягивает ему проспект. Он смотрит на репродукцию – и на нее. «Так это же вы» – говорит.

А это уж много, много позже. Таня делает макет этой книги, раскладывает ксерокопии. Маруся – внучка – смотрит. (Ей года 3 – 4). «Кто это?» - «Наша подруга. Ее звали Кари. Она писала стихи. Она умерла.» – «А вот еще одна Кари...»

И совсем недавно. Гуляем с Марусей, беседуем. «Вот у нас всех глаза такие (светлые), а у Татки не такие. У нее глаза... «Кари» – говорю. - И вспоминаю:

Круглые да карие,
Горячие до гари...

«А у вас была подруга – ее тоже как-то так звали...»

«Ее звали Кари. И глаза у нее тоже были карие...»

Это написано почти десять лет назад. Сегодня 4 марта 11 г.

Мне так поразительно пуст этот облик нестройной столицы
Пруды с лебедями, чтение медленных книг
Святое безделье среди сотрясаемых улиц
Старух красноглазых проклятье летит за короткою юбкой
Где недостижимая очередь трижды пути обвела к Джиоконде
И правда, потерянном летом - кому я могла пригодиться?
Вот кончена книга. Она на восьмидесятые годы
И это, как все поздравляют, большая удача
А если и месяц пустыня, то как довернет пятилетье
Как страшно себя предсказать
Еще пострашней не найти
Себя в этом заднем числе отлежалого гладкого текста
Как травы теряют росу, так и нет в пересушенном слове
Целебной тоски урожая, пророчеств исполненных стук
Не станут тамтамы сердец повторять послушай! послушай!
Но может быть если завернута верно пружина
То время напоит прибором виток за витком перламутр
Откуда ушло мое сердце чтоб новые дать отпечатки
Предметам и лицам и свойствам и линиям волн и движений
и вот словно здесь и сейчас деревянный кошмар харакири
В двух папках завернутый, так я в плену обязательств
Беру неуверенно мной недовольную дхаммападу
И снова читаю о мне предстоящих рожденьях
Коль скоро еще говорю, и мечтаю, и суетной плоти
Бегу за желаньем как заяц а время как псица
Тяжелые раны на судорге бега наносит
О черная лебедь, краса патриаршего пруда
О темная насыпь, ОРУДа святыя сигналы
Божба переходов и странствия велосипедистов
О летней столицы дыханье изъяны и краски.

Еще октябрь, не время урожаю
Не дотянуть однако до весны
Какие-то озими правда бывают на
свете

За окном надоедливый дождь
Грохочут бутылки рычит грузовик и
тележка
Болею. Читаю о древних канонах

Средневековая иконография
Сад с философской куртиной
Традиция и новаторство
В скорописи и каллиграфии
Только опасный безумец
Может изменить положение пальцев
Будды
Он и его потомки
И прихожане этого храма
Будут преследуемы несчастьями
Отныне на долгие годы
И действительно.
Факт.
Монастырь
Был тут же испепелен
Шаровая молния
Перекрыла черепицу
Одежды служителей
Вывернулись наизнанку
Все статуи
Отвернулись от нечестивца

Это видели все
Кто успел убежать
Прежде пожара
Как это могло случиться
С тобой, Гаутама свободный
Как ветер в долине
Пусть некто месяц за годом
Тысячекратно
Приносит жертвы
И пусть
Другой воздаст
Хотя бы одно мгновение
Совершенствующему себя
Поистине это лучше
Столетних жертв
О Гаутама
Свободный
Покинувший пруд как лебедь
И дым развалин
Спекшийся сок кирпичей

Какой сильный дождь
Не стану тебя будить
Пусть настанет день

СТРОГИЕ ХАЙКУ

Весенний поток
Дочь смотрит на малышей
Плывет кораблик

Кукушка в лесу
Мы с тобой не гадаем
Сколько осталось

Низкие тучи.
Тянет к земле но ветер
Тучи уносит

Рука с рукою
Лодка на тихой воде
Скользит к порогу

Птенец еще жив
Муравьи кишат вокруг
Больно только мне

Птица тоскует
Разве не плачет ива?
Не грустит луна?

За окнами шум
Ты утром тихо ушел
Я не проснулась

Хрипят заводы
На темном дворе безлунно
Пишу я хайку

Молодой месяц
Хиппи танцуют шейк
Где же тропинка

Только заснула -
Кто-то сказал мне про смерть
Проснулась в страхе

Старик трудится
Строчки ложатся на лист
Мышь грызет зерно

Высокий фонарь
Над каплей асфальта дождь
Он не дождался

Опять я в лесу
Мне кажется, ты со мной
Кричат сороки

Над крышей луна
Мы не нашли дороги
Кто счастливей нас?

Мы все забыли
Оса дрожит над цветком
Летит самолет

СОЗЕРЦАНИЕ

Вот камни
За ними тени
По ним ползут
Причудливые мхи
За потоком гравия
Скрипит кожистая осока
Туго поддается
Семи ветрам
Побережье
Или
Терраса философского
сада
Небольшое пространство
10 x 30
Там
Струится поле
Светлой травы
Поляна.
Низкие кусты
Обретают ветер
Но не могут угадать
Русло

Начинаются деревья
Длинные взмахи
Тяжелых ветвей
С водоворотами
Крупных листьев
Они ли ветер
Или ветер их
От ствола выносит
Вмывает
В горячие омуты
Пространства

Это лес.

Then I saw in my dream...

J. Bunyan

Была она ночная птица. Не спать (и не есть) могла сутками. Ночью писала стихи, читала, беседовала. Сон – это было отдельное занятие, важное, увлекательное. (“Потеря строфы”).

Но были сны – события. Они происходили в иной – не сонной – реальности. Она возвращалась из них, словно из опасных странствий, под бременем нового опыта, новых знаний, новых неразрешимых вопросов. Про эти приключения она охотно рассказывала. Мистическое толкование не обязательно. Сознание, перемалывая на разных уровнях наши проблемы, может представить их в виде развернутой метафоры. Вроде концептуального кино. Просто у нее были не совсем обычные проблемы и не совсем обычное сознание. Неудивительно, что пережитое ТАМ и обретенный опыт наряду с опытом в общепринятом смысле формировали ее мировоззрение и поэтическую систему, и среди текстов, особенно поздних, то и дело открываются дверки в ТУ область.

Одну историю хорошо помню.

Видит Кари во сне, что идет она на рынок, ближайший, грязный и бедный питерский рынок тех лет (я там с ней была и помню. Спросить у Толи, как называется – или назывался) – она там всегда покупала зелень для супа (иду на рынок по букет укропа). В зеленом ряду один продавец очень странный. Это старик, смуглый, с резкими чертами и пронзительным взглядом.

Кажется, была еще седая шапка волос. Исподлобья внимательно смотрит на нее. Она подходит и становится напротив. Перед ним на прилавке – травы, коренья и маленькое яичко лесной птицы. Кари берет травку. Он ждет. Она – другую, корешок, еще один. Старик уже гневен, но молчит. Она смотрит ему в лицо и берет яичко. Теперь в его взгляде – явная угроза: Ну, раз взяла, смотри теперь сама...

Кари возвращается домой, надевает черое вечернее платье и выходит в свой двор (пресловутый питерский двор-колодец, помойка, бутылкопункт, ее квартира вровень с асфальтом, солнце не светит). Между тем население уже знает, что готовится что-то важное и опасное. Столпились и ждут ее молча. Посередине стоит вертикально деревянная лестница с перекладинами. Кари медленно восходит по лестнице и садится на верхнюю ступень. Все смотрят на нее. Она начинает мять и растирать в ладонях то, что принесла с рынка. Скатывает плотный шарик. И вот тогда в колодец двора падает огромный коршун...

Далее – примерно как в поэме.

Окончание сна было другое. Она стала свободна и через какое-то время увидела себя в большой квартире, среди участников довольно обычной вечеринки. Все бродят, танцуют, она тоже с кем-то танцует. Только странно ей, что кавалер как-то небрежно с ней обращается – она к этому не привыкла. Пытается что-то понять и вдруг видит себя в зеркале. На ней незнакомое, вульгарное желтое платье. И это – не она...

Какое-то огромное меня

Орел или Оно

Схватило намертво.

Мое оцепененье

Он зацепил

И взмыв меня понес

Надеждой были бережные когти

Мне понималось все как будто ясно –

Тело уклонилось в обморок

Душа ждала порванья

Глотала нити крошечных ЕЩЕ

- Железо хватки не болит затем

Чтоб мне не вытечь ранее полета

Тем временем пришло седьмое небо

И чувствовалось – в крылья бьет не ветер

А легкое, сухое прозябанье

Я – круглое осмелилось открыться –

Не увидалось мне мирами, пылью звезд

Внизу переливалось и бездонно

Вверху скорей угадывался огонь

Но и скосив, и возведя, все то же

Преображён кощунственным «внутри»

Не то движение – скорей предвосхищенье

И сразу – плена радостный конец

Легчайшее сейчас же шевеленье

Меня в бессмысленный запутали клубок

И безобразные зигзаги в ямах плоти

Заставили свершать под липким страхом

Падения, хотя и не тянуло

Но скоро я осмыслило полет
Сложившись также, без оцепененья
Я перестало мизерно кружиться
И сразу же Достаточное нечто
Нашло,
Меня взлетев
Оно теперь вызванивало отдых
Раскрытых крыл торжественный покой
Ему мешая праздным поведением
Я тыкалось в него себя уча
Хоть как-то двигаться в достаточном
ЕГО
Пространстве. Он не мог себя избавить
Ни отлететь. ДОСТАТОЧНОСТЬ его
Мне воздавалась небольшим пареньем
Вокруг и возле. Так ему мешая
Свершались те неверные скачки
Что мне давали что-то пересечь
Перечить дерзко лопотать бессильно
И постигать, и выправлять движенья
Плавнеть, стройнеть и точно воспарить
Описывать осмысленные дуги
Крутить волчки для вверх или для вниз
И наконец чуть отклик светоносный

Историческая справка.

В последствии времени нами было обнаружено – в приобретенной по случаю книге на общедоступном венгерском языке – изображение на золотом сосуде женщины, держащей ветвь и уносимой орлом. Книга, если мы правильно поняли, посвящена знаменитому кладу времен переселения народов.

Он называется «клад Святого Михаила» и состоит из золотых (позолоченных) сосудов редкой красоты, сасанидских или парфянских. Не этот ли конкретно клад породил далеко идущие домыслы о происхождении арийцев, асов и прочих ванов из Малой Азии?

Почувствовать живого наблюденья,
Но это знание не будучи свободным
Мне тяжким следом нашего прощанья
Сухое марево серьезно раздалось
Пройдя по мне
И твердое зерно
Теперь я дерево.
Игрушечные ветры
Играют у корней
И наконец мой рост
Незрим и точен
И душа полета
Мне служит истово
Как я ему служу.

Кажется, это было написано в 1975г.

Что-то такое Хейердал собирался копать у нас в Семикаракорске, где и мы что-то искали? Поскольку известно, что:

Жил в Асгарде бог Браги, славный мудростью и поэтическим даром. Это от него узнали, как Один похитил мед поэзии. Жену Браги звали Идунн (обновляющая). Она хранила яблоки вечной молодости. Однажды Локи повздорил с великаном Тьяцци, но не одолел, и Тьяцци взял с него клятву, что Локи поможет ему похитить Идунн. Локи вернулся в Асгард и наплел Идунн, что в лесу растут яблоки еще лучше, чем у нее. Идунн взяла ветку с яблоками для сравнения и пошла за обманщиком. Тьяцци прилетел в образе орла, схватил Идунн и унес в свою великанью страну. Лишенные обновляющей силы молодильных яблок, боги (асы) начали быстро дряхлеть, но Локи исхитрился вернуть Идунн. По правде сказать, картинка похожа, а сказка не очень.

АТХАРВАВЕДА

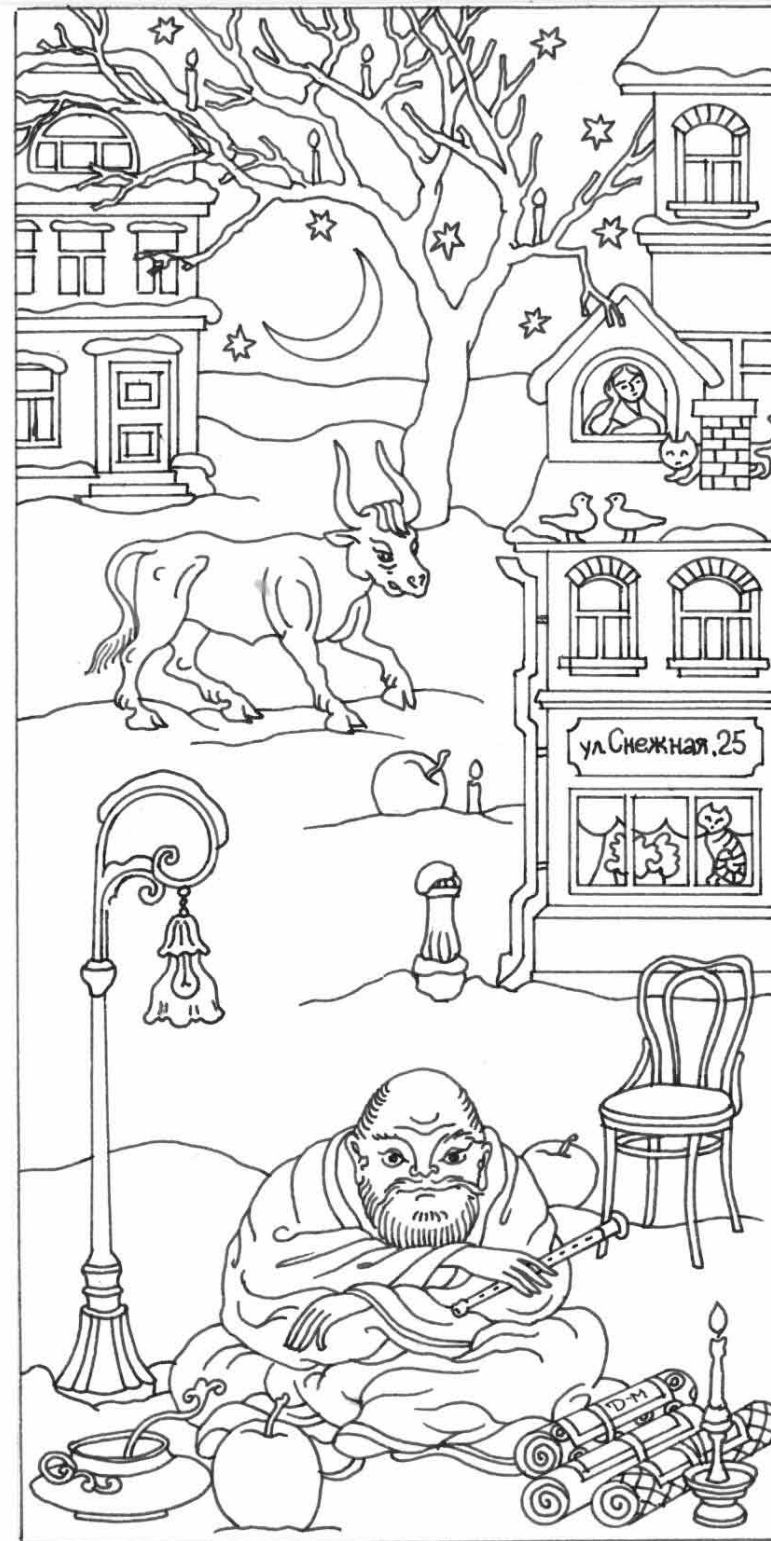
Я чувствую твой гнев я чувствую твой гнев днем ночью
Я чувствую твой гнев ни там ни здесь ни тут
Я чувствую твой гнев
Бессмысленно бежать я чувствую твой гнев в нем нет
причины
Я чувствую бежать я чувствую идти я чувствую твой гнев
Еще вчера друзья сегодня прах стряхнул последний
Я чувствую твой гнев еще вчера твой гнев еще вчера
сестра
Сегодня мать твой гнев сегодня мать твой гнев надежда
Ушла её стопой сегодня гнев твой гнев я чувствую твой
гнев
В пустыне гул моих шагов гул гневный
Несет земля ярмо я чувствую твой гнев
Жар смрадных птиц на мне я чувствую твой гнев
вседневно
Ему причины нет ему причина все я чувствую твой гнев
Вода с руки моей и одесную хлеб отравя
Горят костры для жен мной осквернивших взор
Я чувствую твой гнев
Супруги проклят крик и одесную смерть отрада
Я чувствую твой гнев я каждый миг твой гнев твой гнев
О где же край земли куда же стать ступней низринув
Горящий свой покров я чувствую твой гнев
Конец пути приблизь
Варуна Царь
Который был третьим
Тысячеглазый
В час моего рождения.

Из письма: получили ли вы мое большое сомнамбулическое письмо, где я не помню собственного начала и конца? Читаю м-ра Радхакришнана (фамильница, а?) и вот выскочило.

АРАНЬЯКА

Не состоялся – скажут
Не состоялся – встретят
Ах, как он был прекрасен
А он живет еще
А он еще прекрасен
Но он уже не властен
Но он еще не вечер
Он подождет еще.
Вот облака над лесом
Проходит бык над пашней
Потом идет все стадо
Вечерних облаков
А он еще не вечер
Но он уже не вечен
Тяжелым лѐтом ворон
Ему задел лицо
Оно светилось будто
Он перешел пороги
Он повернул все стадо
Или пошел за ним
Пустая флейта свистнет
Откроет лес чертоги
И нам теперь не надо
Уже идти за ним.

Араньяка – «Лесная». Так называется одна из книг «Махабхараты». Жизнь в лесу – отшельничество, уход от мира после завершения всех земных дел. Толька еще тогда сказал: «Смотри, не показывай интеллигенции. Решат, что это про Солженицына, и тебя заклюют». Вот такая была тогда инт-ция и вот какой Солженицын. В «Махабхарате» – это же роман приключенческий – пять братьев-богатырей вместе с общей женой (о ней особо) после крупного проигрыша в кости должны 12 лет скрываться в лесу.

На горе Лу
Дождь и туман
В реке Че
Высокая вода
Я знал что мне
Не найти покоя
Пока я вновь
Не вернусь сюда
И вот я вернулся.
Ничего особенного
На горе Лу
Дождь и туман
В реке Че
Высокая вода.

Из дзэнской поэзии

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Не ложись
Не ложисьне
ложисьнеложись
Ох.
не да не да не да на да не
Да не ложись не ложись не
ложись
Не ложись, не ложись
Не ло
Не ложись
Але - ше - нька
Алеша
На краю
Да.
Не
Не дай Бог
Не дайнедайнедай
Придет
Не дай Бог
Придет

Ох
Придет он не придет
Он серенький
Нет, нет
Он серенький
Волчек
Утащит Нет!
Нет нет не ута не
утащит нет
Ох нет, не дай нет
Утащит
За бочек
Не утащит за бочек
Мою детку
За бочек.

Грин грин
Зеленое
Трень-тень-тень
А сине!
Мальчишки в лужах
Парочки в крапиве
тьо
Розовые десенки щенка
кирикуку
Кокнулось яичко
Вышел месяц из тумана
Вынул ножик из кармана
Буду резать буду бить
Всё равно тебе водить
Ммнну милая ну милая не бойся
Тьо тьо
ну и май!
си рень рень рень
рас кры кры кры
пст пст
айа айа
май

ПРИЛОЖЕНИЕ. КАРИ. О ПЕРЕВОДЕ ХАЙКУ.

Хайку - специфическая форма японской поэзии, поэтическая миниатюра из трех силлабических строчек - по 5, 7 и 5 слогов. Такая вертикальная симметричность придает стиху особенное равновесное, успокоенное звучание. Virtuозность хайку в тончайшей игре намеков, аллитераций и аллегорий, которая превращает стихотворение для искушенного читателя, вернее, для созерцателя, в прекрасный цветок, лишь сердцевина которого намечена семнадцатью слогами, каждый из которых - знак мириадов резонирующих с ним значений, написаний и образов. Но при этом главный критерий оценки хайку - высокая культура текста в сочетании с безыскусственностью и простотой.

Фразовое построение хайку, как и вертикальная симметричность строк, связано с питающей хайку философией дзэн, сообщающей этому крошечному построению такую энергетическую мощь. Смысловая схема построения хайку: человек, остановленный природой в своем индивидуальном движении. Момент соотношения личного вектора с мгновенной результирующей природных совокупных сил - “поворота”, “поворачивания”, иногда мучительного, иногда невозможного, иногда разрывающего сердце, иногда, при совпадении векторов, это чистая радость гармонии, краткий момент незамутненности души. Представьте себе, какую нагрузку несет в хайку собственно экспозиция, то маленькое наблюдение природы, которое присутствует в каждом трехстишии, какой выверенностью и авторитарностью оно должно обладать, чтобы говорить от имени природы в целом, суметь “перевернуть душу” человека в буквальном смысле этой фразы, оторвать ее от значимого Я для приобщения к более высокому бытию природы. Если совпадение чувств достигнуто, возникает мгновенная иллюзия знания бытия, которая тут же разрушается потоком времени, но остается в нашей памяти частицей нашего Я. С этим и связана технология фразового построения. Построчная фразовая конструкция необходима для равновесности текста. Каждая строка должна иметь самостоятельное, вполне законченное “удовлетворенное” бытие, поверхность ее выверена и установлена. Легкий привкус тоски по временности, непостоянству всякой красоты и жизни течет холодной плазмой в межстрочном пространстве, строки же медитативны и спокойны. Мгновенное созерцание в пустыне мира. И ничего сложного в этой науке нет.

Следующая книга -
“11 ВАРИАНТОВ О РОЗЕ”.

11 ВАРИАНТОВ О Розе

S. TSCHERNON